



ерт знает что! — сказал капитан Петр Лебедин, входя в свой крошечный кабинетик. — Нет, ну это просто черт знает что!

— Ну что, опять влетело? — Его напарница Дуся подняла голову от бумаг.

— Не опять, а снова, — огрызнулся Лебедин, но тут же опомнился.

Дуся — баба хорошая, это все знают, и ему, капитану, сильно повезло, что попала она к нему в напарницы. Мало того что невредная, с пониманием и характер хороший, так еще и умная. Друг с другом они отлично ладят, так что вовсе незачем ему сейчас срывать на Дусе свою злость.

Дуся, кстати, не думала обижаться. Во-первых, как уже говорилось, у нее был замечательный характер, и по жизни она была неисправимым оптимистом, то есть верила, что все будет хорошо. Ну не сейчас, так после, со временем.

Такому отношению к жизни очень способствовала Дусина внешность.

Дуся была женщина яркая и сама себя называла «сто килограммов женской красоты». Это она округляла для красного словца, хотя на самом деле если не сто там было, то прилично за девяносто.

Дуся, как уже говорилось, веса своего нисколько не стеснялась, а наоборот, очень собой гордилась.

Впрочем, у нее всего было много: глаза как блюдца, рот крупный, губы полные без всякого геля, волосы росли густо, по выражению парикмахеров, «на троих волос хватит». Глаза всегда сияли, волосы вились сами по себе, и исходила от Дуся такая жизненная энергия, что спокойно можно было бы заряжать от нее батарейки или давать электричество в удаленные и слаборазвитые районы (конечно, если Дуся позволила бы).

Мужчины, видя Дусю впервые, обалдевали от восторга. Те, кто работал рядом, конечно, обстрелялись уже, пообвыкли и новеньких заранее подготавливали, чтобы не было шока.

С женщинами Дуся всегда поддерживала хорошие, ровные отношения, поскольку была не вредной и завистливой. В разговорах со свидетелями Дуся не было равных, люди тотчас проникались к ней доверием и рассказывали все-все, знай только слушай. А слушать Дусю умела.

А во-вторых, Дуся прекрасно знала, что явился сейчас ее напарник от начальства, а начальство, как известно, по головке никогда не погладит, а норовит стружку снять. А с Петькой вообще сложно. Уж очень он резкий, заносит его на поворотах, никаких тормозов нет.

Учила его Дуся, учила: у начальства в кабинете молчи, что бы начальник ни говорил. Кивай, как китайский болванчик, со всем непременно соглашайся и тверди, как попугай, что все будет сделано как прикажут. Так всем будет лучше: и тебе, и ему.

Но Петька — натура увлекающаяся, вечно норовит из простого дела устроить цирк, везде ему серийные маньяки мерещатся. А начальство такого о-очень не любит.

Прежний их начальник, полковник Медведкин, был человек простой, как говорится, что на уме у него было, то и на языке. Начнет Петька у него в кабинете свое твердить, схемы какие-то показывать, графики, распечатки, Медведкин как рявкнет, будто он не полковник, а медведь, которого зимой охотники разбудили.

Тут бы Пете и помолчать, попятиться тихонько да и уйти. Ан нет, он еще больше горячиться начинает. Руками размахивает, графиками своими шуршит. Так-то он мужчина тихий, но как втемяшится ему в голову, что убийство не простое, а серия намечается, — так просто Петька сам не свой делается.

Понятно, что такое поведение его начальству никак не подходит. Правда, пару раз не ошибся капитан Лебедкин, углядел-таки серию¹. Громкие дела были, за первое Лебедкину премию дали в размере месячного оклада, и Дусю также не обидели, а полковник Медведкин на повышение пошел.

А во второй раз при новом начальнике им денег не дали. Зато Софья Павловна, секретарь начальника, с которой у Дуси с некоторых пор нежнейшая дружба, шепнула, что можно насчет квартиры Петьке попросить. Он после развода уж сколько лет в коммуналке мается.

¹ Читайте об этом в книгах Н. Александровой «Амулет снежного человека» и «Перстень Ивана Грозного» (Издательство «Эксмо»).

И ведь выгорело дело, дали Петьке отдельную квартиру. Тут бы ему и успокоиться, дух перевести, работать, как велют, женщину какую-нибудь завести, если не для женитьбы, так для серьезных отношений, так нет. Снова Петька мечется, опять ему больше всех надо, с начальством конфликтует, а женщин вообще сторонится.

И то сказать, ходили какие-то слухи насчет Петькиной женитьбы и последующего потом развода. Вроде бы жена такая стерва попалась, а теща — еще хуже, еле-еле Петька от них избавился. Это давно было, Дуся еще тогда здесь не работала. Он про это никогда не говорит, а Дуся не спрашивает — что соль-то зря на раны сыпать...

Сейчас Дуся поглядела на напарника и протянула ему через стол бутылку минералки.

— Охладись маленько, остынь!

Лебедкин плюхнулся на стул и одним богатырским глотком отпил полбутылки воды.

— Ух! — сказал он чуть бодрее. — И до чего же я не люблю с начальством общаться!

— Да кто же это любит-то... — философски заметила Дуся. — К сожалению, это не в наших силах, чтобы не общаться совсем... хотя хотелось бы... За что на этот раз он на тебя наехал?

— Ты не поверишь! — Лебедкин взмахнул руками, так что Дуся едва успела удержать бутылку. — Из-за девицы, что позавчера ограбили!

— Да с чего вдруг? — Дуся пожала мощными плечами. — Обычное дело, шла девушка одна, заскочил с ней в подъезд наркоман какой-то, дал по голове, вырвал сумку, да и убежал. Непонятно только, отчего она не сообразила задержаться в дверях,

или уж отбилась бы как-нибудь, ведь не ребенок десяти лет, а взрослая женщина, пора бы уж поумнеть.

— Ага, ну я и говорю ему, что потерпевшая вроде бы не сильно пострадала, ну дали по голове, даже сотряса нет, и сумку в ближайшей урне нашли. А грабитель этот небось наркоман мелкий, и как его найти-то? Тем более она сама сказала, что денег там немного было, ну мобильник еще, конечно, всякие там дамские штучки. Так что денег ему на пару доз хватит, а мобилу уже толкнул по дешевке, и всего делов.

— А наш что на это сказал?

— Да что сказал... — вздохнул Лебедкин, — смотрит на меня глазами своими оловянными и молчит.

Дуся представила эту картину и невольно поежилась. Вроде бы после того, как прежний их начальник полковник Медведкин пошел на повышение и новый начальник вступил в должность, прошло уже довольно времени, а все никак не могут они к нему привыкнуть. Черт его знает, что он за человек, и вообще человек ли?

Это высказал как-то Петька в минуту слабости, и Дуся время от времени задумывалась: а может, ее напарник прав?

Потому что про начальника никто ничего не знал — кто он, откуда, сколько ему лет, женат или холост, а если в разводе, то который раз...

Секретарша Софья Павловна, которая с некоторых пор Дусю очень привечала, никогда про начальника не сплетничала, а Дуся не спрашивала,

знала, что все равно ответа не получит. Да если честно, то Софья и сама-то толком ничего не знала.

Выглядел начальник подтянутым и моложавым — ни лишнего веса, ни мешков под глазами, ни морщин вокруг рта. Всегда чисто выбрит и аккуратно подстрижен, костюм недешевый и сидит отлично, галстук же довольно унылый, какой-то канцелярской расцветки. И, по наблюдению Софьи Павловны, галстуки и костюмы начальник все же менял, но обязательно на такие же точно.

Говорил начальник всегда негромким невыразительным голосом, и не поймешь даже, баритон у него или тенорок козлиный. Глаза, как метко выразился в свое время капитан Лебедин, были у начальника совершенно оловянные, и лицо выразительное, как дверца холодильника. И такое же холодное.

Через некоторое время дружный коллектив решил, что лучше уж полковник Медведкин — тот по крайней мере орал что-то человеческим языком, хотя не всегда приличным.

— Ну, значит, молчит он, — вздохнул Лебедин, — а я стою и жду, когда замерзать начну. А потом он и говорит, что с сегодняшнего дня у нас какой-то месячник борьбы с наркоманами. И что там, конечно, Наркоконтроль старается, но и мы со своей стороны должны проявить... в общем, что-то там проявить, углубить и улучшить.

— Понятно, — протянула Дуся сочувственно, — следовательно, попал ты, Петя, под раздачу.

— Такое мое счастье, — снова вздохнул Лебедин и посмотрел искательно: — Дусь, а Дусь?

— Ну чего тебе? — Она нахмурила брови, но долго в таком виде не удержалась и улыбнулась. — Ладно, схожу поговорю с той девицей!

— Дуся, ты золото! — Капитан Лебедин прекрасно знал, что Дуся умеет разговорить любого человека. И выяснить все, что нужно и важно. И не то чтобы будет сведения клещами из свидетеля тянуть или там иголки под ногти загонять, люди сами все ей расскажут и вспомнят все, что позабыли. У Дуси внешность располагающая, доверяют ей люди.

Дуся надела новое синее пальто, которое устроила ей по знакомству мамаша одного оболтуса, Дуся его спасла от верной тюрьмы.

Тринадцатилетний оболтус связался с плохой компанией, где все были старше его, идиоту было лестно, что с ним общаются такие взрослые ребята.

А ребята ограбили небольшой магазинчик и подставили оболтуса по полной программе, подсунули ему какие-то вещи, и все поделники дружно валили на него, так что светила парню колония всерьез и надолго, поскольку там еще и сторожа качественно приложили, он месяца два в больнице провалялся.

На допросах этот идиот молчал, играя в благородство, никакие уговоры на него не действовали. Сумела переубедить его только Дуся, как уже говорилось, ей люди доверяли.

Когда все закончилось, благодарная мамаша, работающая в бутике элитной одежды, устроила Дусе это пальто с большой скидкой.

Заказала его в свое время одна, мягко говоря, крупная, очень богатая дама, а потом ей что-то не понравилось, так что владелица бутика готова была

пальто хоть даром отдать, потому как провисело оно порядочно и уже считалось моделью из прошлогодней коллекции.

Итак, Дуся причесалась перед крошечным зеркальцем и отправилась навещать потерпевшую Козлихину Алену Викторовну, которая вышла вчера из больницы и находилась дома, поскольку на работу ее еще не выписали, что и выяснил капитан Лебедин посредством телефонного звонка.

Алена Козлихина жила недалеко, в блочном шестиэтажном доме рядом с метро.

Обойдешь станцию сзади, минуешь цветочные ларьки и крошечный магазинчик мобильных телефонов, нырнешь в проход между стройкой и задней стеной бани — и вот он, дом. Дуся работала в этом отделении несколько лет и успела изучить все окрестности.

Домофон звонил долго, потом отозвался слабый невнятный голос и спросил, кто там.

Дуся ответила как есть — из полиции.

Лифт не работал, пришлось подниматься на пятый этаж пешком, Дуся посчитала это полезной гимнастикой. Не то чтобы она хотела похудеть, нет, такая мысль никогда не приходила ей в голову, но все же, как говорят, физические упражнения полезны.

Дверь открыла девица в розовом длинном халате и босиком. Вид у нее был недовольный.

— Чего надо? — довольно грубо спросила она. — Чего вы все ходите? Я на больничном.

Дуся не обиделась на такое невежливое обращение, она вообще на людей не обижалась.

— Можно в квартиру пройти или тут будем разговаривать? — Она широко улыбнулась.

Расчет был верен, девица покосилась на дверь напротив и неохотно посторонилась. Дуся, придя на площадку, внимательно изучила все четыре двери квартир.

Одна была новая, заклеенная пленкой, стало быть, ремонт люди сделали и не живут пока. Другая дверь была, наоборот, старая и обшарпанная, чуть ли не жучками проеденная, такую не всегда и на помойке встретишь, и пахло из квартиры этой самой помойкой. Алкаши, значит, обитают, с такими не поговоришь, мозги и память давно пропили.

Третья квартира была потерпевшей — ну да, Лебедкин выяснил, что девица не снимает квартиру, живет в своей, а в последней квартире дверь была тщательно вымыта, даже ручка сияла, и коврик лежал хоть и старенький, но чистый. И сейчас Дусе послышалась какая-то осторожная возня за той дверью. Ясно, соседка любопытная...

Девица повернула голову и поморщилась, прикоснувшись к волосам. Там, чуть выше виска, был наклеен пластырь, а вокруг засохла кровь.

Прихожая была темноватая и довольно захлавленная, девица мотнула головой вправо, что означало — иди на кухню.

Дуся сняла пальто и повесила его прямо на крючок, даже плечиков не нашлось. И вешалка была старая, давно пора поменять.

На кухне был жуткий беспорядок, и зоркие Дусины глаза сразу определили, что это для хозяйки дело привычное. Сразу ведь видно, оттого не прибрано, что женщина заболела и из рук все валится,

или же просто привыкла в таком кавардаке существовать.

Дуся и не думала никого осуждать, не ее это дело, она просто отметила про себя некоторые вещи.

— Зачем вы пришли? — спросила хозяйка, опустившись на стул. — Сказала же еще в больнице, что ничего не помню, этого паразита я не видела. Так что забудьте вы про это дело, и я поскорее забуду! Век бы не вспоминать...

— Не получится, — вздохнула Дуся, — ваше дело начальство взяло под персональный контроль, так что придется расследовать.

— Что это значит — под персональный контроль? — Девица подняла голову, и от резкого движения, видно, снова ей поплохело.

— Болит? — сочувственно спросила Дуся. — Сильно он вас приложил?

— Врачи говорят — несильно, — вздохнула в ответ девица и неожиданно предложила: — Кофе хотите?

— Хочу, — обрадовалась Дуся, давно уже приметившая на кухне вполне приличную кофеварку.

Не то чтобы она так уж хотела кофе, просто нужно было установить доверительные отношения с потерпевшей, а совместно выпитая чашка кофе этому очень способствует.

Пока девица заправляла кофеварку, Дуся сама вымыла две чашки и одну чайную ложку, второй не отыскала. И чашки разномастные: одна красивая, но старая уже, краешек отбит, а вторая новая, совсем дешевая, даже без рисунка.

Кофе, разлитый по чашкам, пахнул приятно.

Девушка вдруг покачнулася и села на табуретку, которую Дуся присмотрела для себя. На кухне стояли два шатких стульчика на узких ножках, а вот табуретка была старая, с виду надежная.

Дусе вовсе не хотелось начинать доверительный разговор со сломанного стула, а эти явно ее веса не выдержат.

— Ты чего? — Она подбежала к потерпевшей. — Плохо, что ли? Только в обморок не падай!

— Да я ничего... — слабым голосом ответила та, — голова кружится, и в глазах темно.

— Рано тебя выписали! — рассердилась Дуся.

— Да ладно, у меня и раньше так бывало. Нечасто, правда. Нужно кофе выпить... полегчает.

— Это пожалуйста! — Дуся без труда перетасила девушку к столу, а сама завладела табуреткой. Не обманула та, выдержала ее вес.

— Тебе нужно непременно с сахаром... — Она оглянулася в поисках и нашла старую фарфоровую сахарницу с отбитой ручкой. Которая, однако, была совершенно пуста.

Дуся открыла шкафчик, но обнаружила там только полупустую бутылку подсолнечного масла и пакетик душистого перца, да еще пустую коробку из-под кукурузных хлопьев, из которой как раз выползал шустрый предприимчивый муравей.

— Там... в куртке, в кармане сахар есть... — прошелестела девушка, так что Дуся пулей полетела в прихожую и нашла там куртку, которая брошена была просто на пол, поскольку оторвалась вешалка.

Дуся подняла куртку и без труда определила, что побывала она в больнице, только там могла впитать такой тоскливый запах.